

Снегирушка-Милушка

Жил у нас с бабушкой летом снегирушка. Грудка розовая, как кисель. Ручной совсем. **Такой милушка!** И очень музыку любил. Заведёшь патефон — он сейчас насвистывать.

Мы ему всё больше ставили старинную песенку про охотника и зайку. Он и выучил её. Целыми днями, бывало, свистит себе из своей большой проволочной клетки:

Шёл охотничек лесочком. —
Вот идёт, идёт, глядит,—
А под кустичком-кусточком,
А под кустичком-кусточком Заинька сидит...

Так славно насвистывал — все удивлялись.

А потом, осенью, — заболел. **Заболел наш снегирушка — и смолк.** Сидит — хохлится, зёрна не клюёт и молчит. Пёрышки у него стали падать. Это он линял. Долго линял — хохлился. А когда перелинял и выздоровел, — опять повеселел.

Повеселеть-то повеселел снегирушка, а песенку нашу любимую забыл. Насвистывает что-то своё, птичье, а про зайку — никак. Хотя мы ему по-прежнему патефон заводили.

Заведём — он слушает, слушает... Смирно сидит, будто что-то вспомнить силится, — и не может.

К зиме мы kota взяли у соседей, большого, серого: очень нас мыши одолели. Тут уж снегирушка и совсем замолк.

Раз солнечным весенним утром мы опять поставили эту пластинку:

Ну-тка, борзая, хватай-ка! —
Тут охотничек сказал.

Снегирушка ни гу-гу.

Я и говорю бабушке:

— Я не знал, что птичкам так тяжело линять.

Наш снегирушка совсем слух потерял, как маленькая Маша после кори.

Бабушка говорит:

— **Может быть, это он kota боится. Надо kota унести.**

А снегирушка из клетки вдруг как засвистит:

Я не ваш! — ответил зайка, —

Я не ваш! — ответил зайка, —

Прыг — и ускакал!

Мы так и ахнули: вспомнил ведь песенку, милушка!

